

Калмыкова М.А.
Сочинский государственный университет
Сочи
E-mail: pciheay@mail.ru

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НА ЮГЕ РОССИИ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ АКТУАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ

Аннотация. В статье по результатам анализа научных источников характеризуются некоторые аспекты актуальной языковой ситуации на примере нескольких субъектов Южного федерального округа (Крым, город федерального значения Севастополь) и Северо-Кавказского федерального округа (Дагестан, Ингушетия, Чеченская Республика); акцентируются концептуальные позиции непрерывного лингвориторического образования Сочинской школы как би- и полилингвального.

Ключевые слова: языковая ситуация, русский язык как государственный, динамика дискурсивных процессов, Сочинская лингвориторическая школа.

Kalmykova MA
Sochi State University
Sochi
E-mail: pciheay@mail.ru

RUSSIAN LANGUAGE AS A STATE IN THE SOUTH OF RUSSIA: SOME ASPECTS ACTUAL LANGUAGE SITUATION

Abstract. In the article, based on the results of the analysis of scientific sources, some aspects of the actual language situation are characterized by the current linguistic situation on the example of several subjects of the southern Federal district (Crimea, the Federal city of Sevastopol) and the North Caucasus Federal district (Dagestan, Ingushetia, the Chechen Republic). Also these aspects emphasize a conceptual approach to continuous linguistic & rhetoric education of Sochi school as bi- and polylingual.

Key words: language situation, Russian as a state language, dynamics of discursive processes, Sochi linguistic & rhetoric school.

Цель статьи – по результатам анализа научных источников охарактеризовать некоторые аспекты актуальной языковой ситуации на примере нескольких субъектов Южного федерального округа (Крым, город федерального значения Севастополь) и Северо-Кавказского федерального округа (Дагестан, Ингушетия, Чеченская Республика).

В 2014 г., после вхождения в Российскую Федерацию, изменилась законодательная база *Республики Крым*, определяющая языковую политику. Русский, украинский и крымско-татарский языки стали государственными

языками Республики Крым – при статусе русского языка как обязательного для изучения [12].

В работах крымских ученых, в частности, А.Н. Рудякова – «Георусистика и закономерности формирования национальных вариантов языка» [16], «Георусистика и функциональная лингвистика» [17] и др. – активно разрабатывается понятие «*русофония*». Его использование обусловлено необходимостью учета особенностей как взаимодействия русского языка с другими языками, так и его регионализации. При этом объектом признается не сам русский язык, а русофония как глобальный русскоговорящий мир; такой подход дает возможность исследовать механизмы адаптации русского языка к различным условиям его функционирования. «Русский язык сформировал русофонию – огромный планетарный языковой мир. Изучение этого мира, его внутреннего устройства, взаимодействия с другими языковыми мирами является, на наш взгляд, объектом изучения георусистики <...>. Структура русофонии включает центр, ядро и обширные периферийные зоны. Граница между ядерной и периферийной частями любого языкового мира формируется, на мой взгляд, двумя параметрами: «родной / выученный», с одной стороны, и «государственный / негосударственный», с другой» [17].

Р.В. Забашта в работе «Функционально-семантический подход к описанию региональной лексики Крыма» [12] отмечает, что в современных условиях *русофония становится подвижной системой*. Распространение русского языка и его адаптивные свойства к локальным условиям (как в Российской Федерации, так и за рубежом) обусловлены отношением к русскому языку и его статусностью. Эти показатели могут иметь особое значение в так называемой «полилингвокультурной ситуации», когда на одной территории, имеющей особую историко-культурную архитектонику, существуют несколько языков, которые взаимовлияют друг на друга. В результате этого взаимодействия в ядерной части русофонии развиваются региональные варианты языка в том случае, если для большей части

населения данной территории русский язык является родным, в том числе в условиях иноязычного окружения; для Крыма это украинский и крымско-татарский языки. Если же для большей части населения региона русский язык не является родным, но используется как средство межнационального общения, следует говорить о зоне ближней периферии. Под региональным вариантом русского языка понимается разновидность русского литературного языка, которая проявляется в определенном регионе его распространения, в некоторой степени отличается от базовой литературной нормы и функционирует преимущественно в устной форме. В то же время иноязычная составляющая может проникать в письменную речь, в частности, в публицистику – в виде так называемых «-измов».

В конце XX – начале XXI вв. в *городе федерального значения Севастополе*, как отмечает Ю.Л. Ситько в работе «К вопросу об особом варианте русского языка в г. Севастополе» [19], сложилась *своеобразная языковая ситуация*, нетипичная для функционирования русского языка как языка литературного, со сложившейся системой функций. С одной стороны, в Крыму и Севастополе в этот период активно использовалось и дифференцировалось городское просторечие. С другой стороны, в Крыму функционирование русского языка было ограничено. Объем преподавания русского языка был сильно уменьшен, что вело к снижению компетентности выпускников в области освоения литературного языка и его норм; взамен русского языка увеличился объем преподавания украинского.

В теоретическом плане А.Н. Рудяков предложил идею различения *российского и нероссийских вариантов русского языка*, в том числе образования и функционирования в Крыму и на Украине украинского варианта русского языка. Ученый справедливо подчеркивает, что «национальный язык, национальный вариант языка связаны не с онтологической реальностью, не опираются в первую очередь на абсолютизацию тех или иных собственно языковых черт того или иного диалекта, а представляют собой некую конвенцию, идентичное национальное

самосознание носителей этих диалектов, отличное от национального самосознания носителей диалектов языковой метрополии» [16].

Ю.Л. Ситько приводит материалы мониторинга, который зафиксировал особенности функционирования русского языка в Севастополе. Они позволяют судить об изменениях, происходивших в речи севастопольцев в последние десятилетия. Мониторинг особенностей употребления русского языка, проявляющихся в речи севастопольцев, проводился на протяжении семи месяцев. В результате были выделены следующие типологические черты:

Отсутствие сближения звуков [и] и [ы]. В отличие от украинского языка, в системе вокализма в речи севастопольцев особых отличий не наблюдается и оснований говорить о влиянии украинского языка нет.

Отсутствие дифтонгоидности ударных гласных. Южнорусским говорам свойственна дифтонгоидность, которая должна бы присутствовать и в речи севастопольцев как носителей южнорусского наречия. Это могло бы сказать о влиянии украинского языка или южнорусских диалектов, однако данное явление не фиксировалось. Это дает право судить, что по указанному признаку севастопольцы не испытывают влияния ни русских диалектов, ни украинского языка.

Словообразование в связи с лексикой. Главным объектом приложения словообразовательной системы является пространство. Массово присутствуют агоронимы, годонимы и хоронимы.

В целом речь севастопольцев, как отмечает Ю.Л. Ситько, можно характеризовать высокой степенью сходства с русским литературным языком, что позволяет говорить о бытовании в городе *общерусского койне с некоторыми лексическими особенностями*. Это является чертой обособленных в пространстве коммуникативных общностей [19].

Как показывают этносоциальные опросы, на современном этапе в **Республике Дагестан** русский язык выполняет практически весь набор тех функций, что и в России. Этническая и языковая ситуация в Дагестане

показывает, что необходимость и потребность в знании второго языка становится намного важнее, чем владение национальным языком. Качественная разница между дагестанско-русским и другими типами двуязычия в том, что русский язык в условиях Дагестана – *единственное средство межэтнического общения* 30 изолированных друг от друга замкнутых этнических сообществ. Языковые проблемы, анализ которых отражен в документах различных национальных движений, показывает, насколько важны вопросы языкового развития для каждого народа Дагестана [18, с. 162].

В целом правомерно утверждать, что языковая идентичность есть один из важнейших компонентов, который формирует современную этничность. Каждая народность понимает, что развитие национального языка и признание его статуса на территории проживания языка – это языковое и этнополитическое будущее данного народа. Языковая политика, проводимая национальными партиями и движениями, имеет большой мобилизационный капитал; М.Н. Губогло в работе «Вопросы теории и практики этнической мобилизации» указывает, что «совокупное представление об идеологемах, целях и задачах мобилизованной этничности и ее составной части – мобилизованного лингвизма можно получить из программных документов и материалов национальных движений» [9, с. 38–39].

Языковое состояние в *Республике Ингушетия*, как указывает Т.В. Жеребило в работе «Языковое состояние в Республике Ингушетия в полилингвальных условиях», характеризуется высоким уровнем развития ингушско-русского двуязычия, а также наличием *полилингвальных условий*. Они сформировались в процессе исторического развития ингушского этноса, представители которого всегда придавали большое значение изучению не только родного (ингушского), но и других языков. Это русский язык как язык межнационального общения и на данный момент один из государственных языков Республики Ингушетия; языки соседей, живущих на смежных территориях в условиях контактного континуума: чеченцев, кабардинцев,

осетин, грузин и др. Еще одним фактором полилингвальной ситуации объективно является то, что на сравнительно небольшой территории проживает более ста народностей [11].

И.А. Дахгильков характеризует взаимодействие ингушского и русского языков следующим образом: «Вместе с другими кавказскими языками ингушский язык прошел путь развития, измеряемый многими столетиями, что должно было благотворно отразиться на его развитии. Широко известный в научных кругах лингвист 30–40-х годов профессор Н. Яковлев ... об ингушском языке отозвался в следующих словах: «по-ингушски в одном – двух словах можно выразить такие оттенки мысли, которые в русском языке потребовали бы многословных и долгих пояснений» [10].

Исторически сложилось, что в Республике Ингушетия сошлись ингушский бесписьменный язык и русский язык с его многовековой письменной традицией. «Он [русский язык], благодаря внедренной христианством письменности, за многие столетия значительно обогатился и развился. Встреча этих двух языков вместо желаемого партнерства зачастую породила соперничество, которое, разумеется, не в пользу ингушского языка» [10, с. 43]. При альтернативном выборе ингуши чаще отдают предпочтение русскому языку, который имеет более широкую сферу бытования, и даже в тех речевых ситуациях, где можно употребить родной язык.

Т.В. Жеребило приводит следующие данные анкетирования носителей билингвизма:

№ п/п	Вопросы	Ответы анкетированных	Количество в %	
1.	Какими языками владеете свободно?	Ингушским, русским	100%	
2.	На каких языках общаетесь: а) дома, в быту	-на ингушском	60%	
		-на ингушском и русском	40%	
		б) с друзьями	-на ингушском	25%
		-на ингушском и русском	65%	
	в) на работе	-на русском	10%	

		-на русском	100%
3.	На каких языках пишете: а) записки б) доклады	-на русском -на русском и ингушском -на русском -на русском и ингушском	85% 15% 85% 15%
4.	На каком язык думаете?	-на ингушском -на ингушском и русском -на русском	30% 25% 45%
5.	На каком языке читаете произведения ингушских писателей?	-на ингушском -в переводе на русский язык -на ингушском и русском	40% 40% 20%

Исследователь так характеризует языковую ситуацию в Ингушетии: основными видами билингвизма являются ингушско-русский и русско-ингушский билингвизм. На втором месте по значимости и по количеству носителей билингвизма можно выделить ингушско-чеченский и чечено-ингушский, чеченско-русский и русско-чеченский.

Как пишет Т.В. Жеребило, в «Ингушско-русском словаре» А.С. Куркиева (2004 г.) отразились основные тенденции в развитии лексической системы ингушского литературного языка, которые отчетливо проявились в последние десятилетия. Это исчезновение из повседневного употребления ингушских слов, обозначающих флору и фауну Республики Ингушетия; закрепление в языке исконной ингушской лексики, относящейся к разным тематическим группам (обозначение цвета, количества, счета, особенностей ландшафта республики, частей тела, родства и т.п.). Получили лексикографическую фиксацию термины и понятия, пришедшие в ингушский литературный язык из русского языка и из международного терминологического фонда (витамины – витамин, гени – гений, географы – география, геодезисты – геодезия, геологи – геология, геометры – геометрия, гербарии – гербарий, глицерин – глицерин, глушители – глушитель, гимназии – гимназия и т.п.). Наряду с научной терминологией, из русского языка были

заимствованы слова, обозначающие явления быта, одежду, общественные явления (галифе – галифе, галстук – галстук, газ – газ, газификация – газификация, вагон – вагон, тонна – тонна, тормоз – тормоз; стадион – стадион, стаж – стаж, стачка – стачка, строительство – строительство, студент – студент). Наряду с грамматическими терминами исконного происхождения, даются термины, заимствованные из русского языка (спряжени – спряжение, суффикс – суффикс) [11].

Государственные языки *Чеченской Республики* – чеченский и русский; в ней проживает 96 национальностей. Русский язык в Чеченской Республике прочно занимает позиции государственного языка и языка межнационального общения и степень владения им достаточно высока [1]. Русский язык используется во всех сферах общественной жизни республики, выполняя ключевые функции, единственным исключением является сфера устного общения в семье и в однонациональной среде [14]. Понимание общности истории и культуры представителей различных национальных сообществ обеспечивается в Чеченской Республике на основе русского языка, который обрел высокий социокультурный статус, исключительно исторически обусловленный; его посредством обеспечивается реализация важнейшего принципа многоструктурного коммуникативного пространства [23].

Как пишет А.А. Музаев в работе «Языковая ситуация в чеченской республике: роль русского языка в сохранении единства образовательного пространства», знание русского языка является объективной необходимостью для граждан Чеченской Республики, так же, как для всех остальных граждан страны. Это язык, без которого невозможны:

- 1) учеба в общеобразовательной школе (в качестве языка обучения используется исключительно или преимущественно русский язык);
- 2) учеба в профессиональных учебных заведениях – начальных, средних и высших (русский язык в том же качестве);

3) работа (функция языка, обеспечивающего профессиональную деятельность, принадлежит исключительно русскому языку);

4) приобщение к духовной и технической культуре других народов;

5) общение с представителями других национальностей РФ и СНГ, а часто с представителями дальнего зарубежья (функция языка межнационального общения) [14].

А.И. Халидов, напоминая, что в Российской Федерации государственным языком, согласно Конституции РФ, является русский язык, и при этом республики, которые входят в состав РФ, имеют право наделять статусом государственных языки народов, образовавших данные республики, указывает, что правовой статус чеченского языка в Конституции Чеченской республики сформулирован не совсем четко. В п. 110-й статьи Конституции признано, что «государственными языками в Чеченской Республике являются чеченский и русский языки», но в п. 2 языком официального делопроизводства провозглашен только русский язык. Однако есть статья 23, п. 2 которой гарантирует «право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества», и п. 5 статьи 40, согласно которому «Чеченская Республика в пределах республиканской компетенции решает вопросы в области образования». А.И. Халидов указывает, что в настоящее время чеченский язык пока еще не приобрел признаки языка миноритарного, но в скором времени это может произойти, при сохранении нынешней тенденции. Умирание языка – это сложный, длительный процесс, при котором постепенно сокращается численность людей, говорящих на этом языке и происходит ограничение функций языка [21].

Языковеды отмечают огромное количество заимствований, часто ничем не оправданных, а также переход билингвов на второй язык. Как пишет М.Р. Овхадов в работе «Национально-языковая политика и развитие чеченско-русского двуязычия», Чечню уже сейчас характеризует «гибридная», или «винегретная», речь – смесь чеченского и русского языков [15]. В то же

время на современном этапе развития чеченский язык постепенно расширяет сферу своего использования. Это способствует активизации словообразовательных и функциональных возможностей языка, вызывает определенные изменения в самой языковой системе, в частности, в лексике. В периодической печати и в работах лексикографического характера возникает значительное количество новых слов и значений. Появление большого пласта новой лексики обусловлено как экстралингвистическими, так и внутриязыковыми факторами [22].

Особую лингводидактическую проблему создает тот факт, что в сельских районах республики отсутствует русскоязычная среда, и дети, идущие в первый класс, в большинстве либо слабо владеют русским языком, либо вообще им не владеют. Но при этом обучение в образовательных учреждениях, начиная с первого класса, проходит на русском языке, за исключением уроков родного языка, которые также начинаются с первого класса.

Проблемы языковой политики стояли особенно остро в период независимости Чеченской Республики: при том, что большинство населения республики говорило и думало на русском языке, манипуляции в сфере языка и культуры явились основным идеологическим оружием, способным генерировать необходимые результаты. В этот период был предпринят полный перевод обучения в школах на чеченский язык, а русский язык сделан факультативным, что принижало его социокультурный статус в рамках региона. Но эти попытки не имели особого успеха. Большая часть жителей республики понимало и понимает необходимость владения русским языком, так как десятки тысяч чеченцев работают и живут во многих российских регионах, и некоторые продолжают осознавать себя носителями русской культуры, что выражается во владении русским языком и сохранении его как коммуникативной единицы. Исправлению перегибов во многом способствовало глубокое осознание данной проблемы представителями старшего поколения, воспитанного еще в духе советского

интернационализма, заложившего основы межнационального диалога, где основным инструментом межнационального и межкультурного взаимодействия выступал русский язык. Старшее поколение осознает огромные преимущества владения русским языком и необходимость его популяризации. Русский язык и культура прямым образом повлияли на становление и развитие чеченской письменности. Становление используемого сейчас письменного чеченского языка и его развитие стало возможным благодаря русской графике, что послужило толчком для становления чеченской литературы и искусства, расширения межнационального и межкультурного диалога. Таким образом, «становление и развитие русского языка и культуры на Северном Кавказе, в частности в Чечне, сыграло огромную роль не только в налаживании отношений между представителями различных национальностей, но и в постижении культур и языков друг друга народами Северного Кавказа. Это дало возможность ближе понимать и говорить на одном понятном всем языке – русском» [23].

Рассмотренные в статье аспекты языковой ситуации на юге РФ, изучаемые в плане состояния и развития русского языка как государственного, с позиций лингвориторической парадигмы характеризуют актуальные дискурсивные процессы российского полиэтносоциокультурно-образовательного пространства [8]. Субъектом описанных дискурсивных процессов выступает «языковая личность россиянина» [6; 3], для преемственного становления и формирования которой на разных образовательных ступенях актуальна концепция непрерывного лингвориторического образования [2; 7; 4]. Стратегическая цель инновационного педагогического процесса – формирование у обучающегося готовности к самопроектированию в качестве *сильной языковой личности диалогического, демократического, поликультурного типа* – разработана в трудах Сочинской школы, в том числе в би- и полилингвальном аспектах [5; 24].

Библиография

1. Буралова Р.А., Халидов А.И. Тенденции чеченско-русского двуязычия и эколингвистическая ситуация в чеченской республике // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2-2.
2. Ворожбитова А.А. Альтернативы лингвориторическому образованию – нет! // Мир русского слова. – 2004. – № 3. – С. 26–33.
3. Ворожбитова А.А. Би(поли)лингвальная «языковая личность россиянина» и концепция лингвориторического образования в аспекте языковой политики // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2017а. № 22-2. С. 17–21.
4. Ворожбитова А.А. Лингвориторическое образование как инновационная педагогическая система (принципы проектирования и опыт реализации) [Электронный ресурс]: монография / А.А. Ворожбитова; под науч. ред. Ю.С. Тюнникова. – 3-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2015. – 312 с.
5. Ворожбитова А.А. Непрерывное лингвориторическое образование в многонациональном поликультурном регионе: языковая политика и би(поли)лингвальная языковая личность // Полиязычное образование в системе высшей школы: проблемы подготовки билингвального и полилингвального специалиста и пути решения: Материалы международной научно-практической конференции. – Астана: ТОО «Мастер ПО», 2017б. – С. 13–27.
6. Ворожбитова А.А. «Языковая личность россиянина» как классификационный тип: к постановке проблемы // Россия и славянский мир в контексте многополярности: Матер. VII Международной научной конференции, 6–9 августа 2010 г. – Славянск-на-Кубани: Издательский центр СГПИ, 2010. С. 46–52.
7. Ворожбитова А.А. Языковая ситуация в Южном федеральном округе и концепция непрерывного лингвориторического образования // Педагогические науки. – 2006. – № 6. – С. 34–41.
8. Ворожбитова О.А. Лінгвориторичні основи дослідження дискурсивних процесів та формування поліетносоціокультурно-освітнього простору в аспекті PR-діяльності професійної мовної особистості // Інформаційне суспільство: Матеріали Міжнародної науково-практичної конференції «Зв'язки з громадськістю в економіці та бізнесі». – Киев, 2013. – Вып. 18. – С. 128–135.
9. Губогло М.Н. Вопросы теории и практики этнической мобилизации // Этническая мобилизация. – М.: ИИМО, 1999. – С. 38–39.
10. Дахкильгов И.А. Боль и гордость моя – родная Ингушетия. – Нальчик: ИЦ «Эль-Фа», 2007. – 576 с.
11. Жеребило Т.В. Языковое состояние в Республике Ингушетия в полилингвальных условиях // Русский язык в полилингвальном обществе: Материалы межрег. научно-практ. конф., посвященной 20-летию Республики Ингушетия. – Назрань, 2012. – С. 5–22.
12. Забашта Р.В. Функционально-семантический подход к описанию региональной лексики Крыма // Научный диалог. – 2016. – №9 (57). – С. 34–46.
13. Кожемякина В.А. Особенности языковой ситуации в Республике Адыгея // Грамота (Тамбов). – 2008. – № 8 (15): в 2-х ч. – Ч. I. – С. 88–91.
14. Музаев А.А. Языковая ситуация в чеченской республике: роль русского языка в сохранении единства образовательного пространства // Язык и школа: материалы Всерос. науч.-практ. конф., г. Грозный, 25–26 сентября 2009 г. – Грозный, 2010. – С. 11–17.
15. Овхадов М.Р. Национально-языковая политика и развитие чеченско-русского двуязычия. – М., МПГУ, 2001. – 246 с.
16. Рудяков А.Н. Георусистика и закономерности формирования национальных вариантов языка // Функциональная лингвистика: сб. науч. работ / науч. ред. А.Н. Рудяков. – Симферополь, 2010. – Т. 1. – С. 5–6.

17. Рудяков А.Н. Георусистика и функциональная лингвистика // Филология и культура. *Philology & Culture*. – 2012. – № (2) 28. – С. 103–106.
18. Самойлова М.Н. Языковая ситуация и языковая политика в современном обществе // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. – 2009. – №1. – С. 160–165.
19. Ситько Ю.Л. К вопросу об особом варианте русского языка в г. Севастополе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2017. – № 3. – С. 23–31.
20. Тишков В.А. Республика Адыгея [Электронный ресурс] // <http://www.valerytishkov.ru>. <http://www.adygheya.ru/about/population/>
21. Халидов А.И. Русский язык в чеченской школе. Пособие для учителя. – Грозный: Абат, 2009. – 194 с.
22. Юсупова С.С. Новые слова и значения в чеченском языке: постсоветский период: дисс. ... канд. филол. наук. – Грозный, 2007. – 186 с.
23. Ярычев Н.У. Влияние русского языка на социокультурное развитие полиэтничного и мультикультурного пространства Северного Кавказа: история и современность (На примере Чеченской Республики). – Элиста: ЗАО «НПП «Джангар», 2009. – С. 39–46.
24. Vorozhbitova A.A., Konovalova G.M., Ogneva T.N., Chekulaeva N.Y. Continuous linguistic rhetorical education as a means of optimizing language policy in Russian multinational regions // *European Journal of Contemporary Education*, 2017, 6(2), s. 328–340.

References

1. Buralova R.A., Halidov A.I. Tendencii chechensko-russkogo dvuyazychiya i ehkolingvisticheskaya situaciya v chechenskoj respublike // *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. – 2015. – № 2-2.
2. Vorozhbitova A.A. Al'ternativy lingvoritoricheskomu obrazovaniyu – net! // *Mir russkogo slova*. – 2004. – № 3. – S. 26–33.
3. Vorozhbitova A.A. Bi(poli)lingval'naya «yazykovaya lichnost' rossiyanina» i koncepciya lingvoritoricheskogo obrazovaniya v aspekte yazykovoj politiki // *Lingvoritoricheskaya paradigma: teoreticheskie i prikladnye aspekty*. 2017a. № 22-2. S. 17–21.
4. Vorozhbitova A.A. Lingvoritoricheskoe obrazovanie kak innovacionnaya pedagogicheskaya sistema (principy proektirovaniya i opyt realizacii) [Elektronnyj resurs]: monografiya / A.A. Vorozhbitova; pod nauch. red. YU.S. Tyunnikova. – 3-e izd., ster. – M.: FLINTA, 2015. – 312 s.
5. Vorozhbitova A.A. Nepreryvnoe lingvoritoricheskoe obrazovanie v mnogonacional'nom polikul'turnom regione: yazykovaya politika i bi(poli)lingval'naya yazykovaya lichnost' // *Poliyazychnoe obrazovanie v sisteme vysshej shkoly: problemy podgotovki bilingval'nogo i polilingval'nogo specialista i puti resheniya: Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. – Astana: TOO «Master PO», 2017b. – S. 13–27.
6. Vorozhbitova A.A. «Yazykovaya lichnost' rossiyanina» kak klassifikacionnyj tip: k postanovke problemy // *Rossiya i slavyanskij mir v kontekste mnogopolyarnosti: Mater. VII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, 6–9 avgusta 2010 g.* – Slavyansk-na-Kubani: Izdatel'skij centr SGPI, 2010. S. 46–52.
7. Vorozhbitova A.A. Yazykovaya situaciya v YUzhnom federal'nom okruge i koncepciya nepreryvnogo lingvoritoricheskogo obrazovaniya // *Pedagogicheskie nauki*. – 2006. – № 6. – S. 34-41.
8. Vorozhbitova O.A. Lingvoritorichni osnovi doslidzhennya diskursivnih procesiv ta formuvannya polietnosociokul'turno-osvitn'ogo prostoru v aspekti PR-diyal'nosti profesijnoï movnoï osobistosti // *Informacijne suspil'stvo: Materiali Mizhnarodnoï naukovo-praktichnoï konferencii «Zv'yazki z gromads'kisty v ekonomici ta biznesi»*. – Kiev, 2013. – Vyp. 18. – S. 128–135.

9. Guboglo M.N. Voprosy teorii i praktiki etnicheskoj mobilizacii // *EHtnicheskaya mobilizaciya*. – M.: IIMO, 1999. – S. 38–39.
10. Dahkil'gov I.A. Bol' i gordost' moya – rodnaya Ingushetiya. – Nal'chik: IC «EHI'-Fa», 2007. – 576 s.
11. ZHerebilo T.V. YAzykovoe sostoyanie v Respublike Ingushetiya v polilingval'nyh usloviyah // *Russkij yazyk v polilingval'nom obshchestve: Materialy mezhhreg. nauchno-prakt. konf., posvyashchennoj 20-letiyu Respubliki Ingushetiya*. – Nazran', 2012. – S. 5–22.
12. Zabashta R.V. Funkcional'no-semanticheskij podhod k opisaniyu regional'noj leksiki Kryma // *Nauchnyj dialog*. – 2016. – №9 (57). – S. 34–46.
13. Kozhemyakina V.A. Osobennosti yazykovej situacii v Respublike Adygeya // *Gramota (Tambov)*. – 2008. – № 8 (15): v 2-h ch. – CH. I. – C. 88–91.
14. Muzaev A.A. YAzykovaya situaciya v chechenskoj respublike: rol' russkogo yazyka v sohranenii edinstva obrazovatel'nogo prostranstva // *YAzyk i shkola: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf., g. Groznyj, 25–26 sentyabrya 2009 g.* – Groznyj, 2010. – S. 11–17.
15. Ovhadov M.R. Nacional'no-yazykovaya politika i razvitie chechensko-russkogo dvuyazychiya. – M., MPGU, 2001. – 246 s.
16. Rudyakov A.N. Georusistika i zakonomernosti formirovaniya nacional'nyh variantov yazyka // *Funkcional'naya lingvistika: sb. nauch. rabot / nauch. red. A.N. Rudyakov*. – Simferopol', 2010. – T. 1. – S. 5–6.
17. Rudyakov A.N. Georusistika i funkcional'naya lingvistika / A. N. Rudyakov // *Filologiya i kul'tura. Philology & Culture*. – 2012. – № (2) 28. – S. 103–106.
18. Samojlova M.N. YAzykovaya situaciya i yazykovaya politika v sovremennom obshchestve // *Vestnik VolGU. Seriya 2: YAzykoznanie*. – 2009. – №1. – S. 160–165.
19. Sit'ko YU.L. K voprosu ob osobom variante russkogo yazyka v g. Sevastopole // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya*. – 2017. – № 3. – S. 23–31.
20. Tishkov V.A. Respublika Adygeya [EHlektronnyj resurs] // <http://www.valerytishkov.ru>. <http://www.adygheya.ru/about/population/>
21. Halidov A.I. Russkij yazyk v chechenskoj shkole. Posobie dlya uchitelya. – Groznyj: Abat, 2009. – 194 s.
22. YUsupova S.S. Novye slova i znacheniya v chechenskom yazyke: postsovetskij period: diss. ... kand. filol. nauk. – Groznyj, 2007. – 186 s.
23. YArychev N.U. Vliyanie russkogo yazyka na sociokul'turnoe razvitie poliehtnichnogo i mul'tikul'turnogo prostranstva Severnogo Kavkaza: istoriya i sovremennost' (Na primere CHEchenskoj Respubliki). – EHlista: ZAO «NPP «Dzhangar», 2009. – S. 39–46.
24. Vorozhbitova A.A., Konovalova G.M., Ogneva T.N., Chekulaeva N.Y. Continuous linguistic rhetorical education as a means of optimizing language policy in Russian multinational regions // *European Journal of Contemporary Education*, 2017, 6(2), s. 328–340.